

УДК 82.02

К СМЕНЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЭПОХ НА ЗАПАДЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Г.А.Фролов, Л.Ф.Хабибуллина

В статье в теоретическом аспекте исследуется актуальная для литературной жизни в странах Запада смена модернистской парадигмы на постмодернистскую, выявляются и формулируются закономерности этого перехода, связанные с неизменно повторяющейся тенденцией инновации и повторения, движения между двумя ее полюсами. Представляя свои идеи, авторы, опираясь на анализ новейших образцов западного романа, дают картину рождающегося сегодня художественного опыта «после» постмодернизма.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, номадизм, костюмбризм, мультикультурализм, гибридность, рубежность.

Авторы научно-теоретических трудов последних десятилетий стремятся осмыслить радикально меняющуюся картину литературной жизни, смену литературных эпох на Западе. На первый план выходят мнения о том, что пространство современной литературы уже не укладывается в рамки постмодернистской парадигмы, к ней все реже применяется определение «культурная доминанта эпохи». Столь привлекательная в последние годы проблема «между модернизмом и постмодернизмом» не теряя своей актуальности неизбежно уступает место множественным прогнозам: какой художественный опыт складывается сегодня, к каким новым берегам и горизонтам движется литературный поток в западных странах. Все чаще в литературоведении и теории появляются и размышления о судьбе постмодернизма: завершился ли его литературный век, исчерпан ли его творческий потенциал и он, как 50 лет назад, модернизм, истощился и «на излете»? или он, питаемый великим принципом плюрализма, конструктивно реализует его в сплаве с другими творческими принципами, продолжая свое уверенное шествие, и образцы «сильного постмодерна» снова попадают в руки читателей?

Чтобы более отчетливым и понятным представлялось литературное «сегодня» еще раз вернемся к смене (понимаемой как слитный, неразрывный поток) ситуации «модерн» на ситуацию «постмодерн». Еще 20 лет назад, в 1994 году ее попытался осмыслить У.Эко в своем знаменитом эссе «Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна» теорию и содержание этого «между», его масштабы и границы, бесстрашно обращая мыслью к переходу 3000 года. В своих более ранних «Заметках на полях «Имени Розы» Эко пишет о «правомерности фразы, что у любой эпохи есть собственный постмодернизм... не является ли постмодернизм всего лишь

переименованием маньеризма как метаисторическая категория» [1: 635], и если в 1981 году это звучит полувопросительно, то в последующие годы вопросительность исчезает. Всякая эпоха, оказываясь на «пороге кризиса», неизбежно обречена на ситуацию «между». На переходе к XXI веку она обозначается как «между модернизмом и постмодернизмом». На ином историческом этапе, по мнению Эко, это «может быть сменой барокко просветительским реализмом» [2].

В этом, и в других своих произведениях выдающийся мастер современности разворачивает разговор о смене наших литературных эпох. Почему модернистская парадигма оказалась в идейно-эстетическом тупике? Потому что она отрицала ценность и значительность предшествующих образцов, «повторение» классического художественного опыта объявляя ремесленничеством. Это, считает Эко, большая методологическая ошибка, ложный проект. Касающееся конкретно модернизма высказывание удивительно подкрепляется другими, в данном случае принадлежащими немцам, и которые переводят исследуемую проблему в общетеоретический план. В своем труде, посвященном немецкой литературе в «ситуации перехода», западный германист Н.Фёрстер цитирует своего соотечественника, известного прозаика П.Хандке: «Вообще-то оказывается, что художественный метод с течением времени через все снова повторяющееся применение истощается и в конце концов становится автоматизированным, тривиальным искусством, ремеслом» [3:149]. В данном случае оно направлено против реалистического метода, но в контексте исследуемой проблемы его можно приложить и к модернизму, и к постмодернизму.

Общетеоретический характер приобретают в эссе Эко и его размышления о «вечной» актуализации самого закона «инновации и повторения».

Воспроизведение и повторение являются доминирующим принципом во всех видах художественного творчества. Особенно многозначительным представляется ему сам момент переходности, диалектика смены: «Акцент падает на неразрывный узел (выделено мной – Г.Ф.) схема-повторение»; в т.ч. и на переходе к прогнозируемой им «неоромантической эстетике общества 3000 года» [2: 2, 14].

Сосредоточим свое внимание на самой категории «между», которая оказывается весьма актуальной для теоретических исследований многих западных ученых. Американский культуролог в своем труде «Изучение литературных формул» разработал учение о неизбежной двухполюсности всякой литературной системы или формы. Наиболее верным он считает тот подход к изучению жизни литературы, в соответствии с которым всякие литературные явления (в данном случае исследуются литературы традиционнореалистическая и массовая) – это всегда «два полюса, и большая часть литературных произведений находится между ними (выделено мной – Г.Ф.) всякое императивное разграничение он считает условным, и в любом случае речь может идти лишь о том, в какой пропорции находятся компоненты той или иной литературной формы в том или ином произведении [4:42]. Применительно к нашей проблеме подсказанный американским ученым сам собой возникает вопрос, в каком соотношении, в какой пропорции находятся модернистские и постмодернистские компоненты в западных романах, созданных на переходе к XXI веку?

Еще одна «западная теория», напрямую относящаяся к теме нашего доклада, – книга В.Вельша «Наш постмодернистский модернизм» (1991). Во-первых, (может быть, несколько отклоняясь от заявленной темы), следует отметить выдающийся вклад немецкого ученого в теорию постмодернизма, указавшего на его продуктивность, принципиальный плюрализм, тотальную инклюзивность, включение опыта всех предшествующих литературных систем, форм, парадигм, в т.ч. и модернистской. Ядром же его учения является мысль о том, что «постмодернизм помещается не после модерна и не против него, он уже содержится в модерне, только скрыто». Говоря о постмодернизме как о наступлении новой литературной эпохи, Вельш неизменно связывает ее с предшествующей, модернистской: «Не является ли постмодернизм продолжением модерна с помощью новых, однако не полностью иных средств» [5: 86]. Какой непреходящий и вместе с тем актуальный смысл можем мы извлечь из «формулы Вельша», если приложить ее

к новой литературной эпохе, формирующейся в XXI веке? Следуя вельшевской логике, мы с полным правом можем сказать: продолжением постмодернизма являются литературные формы, содержащие в себе новые, однако не полностью иные средства. И это тем более прикладывается к постмодернизму с его плюрализмом, инклюзивностью, толерантностью.

Представленные выше выкладки позволяют сделать более предсказуемыми долговременные прогнозы относительно направления литературного потока XXI века. Вместе с тем современные германисты, американисты, романисты демонстрируют решимость сформулировать прогноз краткосрочный, дать имя тому, что, может быть, появится уже завтра. Находимся ли мы все еще «между модернизмом и постмодернизмом», или вышли за его пределы в пространство «между постмодернизмом и...»? Отмечая меняющийся облик западного (в частности, французского) романа, Э.Шевякова пишет: «Становится все более очевидным, что художественный опыт конца XX – начала XXI века не укладывается в понятие культуры постмодернизма, а в самом постмодернизме происходят существенные и многообразные изменения» [6: 135]. Подобное мнение высказывает и другой известный российский романист Н.Т.Пахсарьян: «...во французском романе стали происходить сильные эстетические перемены, наступило время художественной мутации... затронуто и поле самой постмодернистской литературы, породили своеобразную историко-культурную эволюцию внутри постмодернизма...» [7: 198].

В исследовании, посвященном англо-американской прозе (романы У.Голдинга и М.Брэдбери, Д.Барнса и Й.Макьюэна), также говорится о «мутации», о «преодолении» постмодернизма в новейших британских романах, о «деконструировании теперь уже самой постмодернистской парадигмы» [8: 28]. В ситуации смены художественных парадигм на пороге XXI века, интенсивного поиска «альтернативных форм» исследуется и новейший немецкий роман (П.Хандке, М.Бейер, Кр.Рансмайр, Р.Шнайдер и др.).

Разнообразные точки зрения на современную литературную ситуацию на Западе имеют одну общую тенденцию: «акцентировать черты ее переходности, смены, трансгрессии». Э.Шевякова в своей статье о современном французском романе пишет о том, что транзитность жизни способна выразить транзитная форма письма [6: 138]. Под транзитностью понимается выход за пределы реальности и возвращения, вариативность, скрещение различных романских форм, «художественный опыт трансгрессии». Думается, не будет

ошибкой, если к этому добавить, что «транзитная форма» – та, в которой отсутствует какое-либо жесткое прикрепление к определенному жанру, ни к какому-либо способу повествования. Процессы трансгрессии (перехода, выхода за пределы), категорию номадизма (безграничности движения, пересечения эстетических границ) как наиболее актуальных в творческом опыте современных романистов Германии обнаруживает Г.Кучумова в своей монографии «Немецкоязычный роман 1980-2000» [9].

В сегодняшних литературных дискуссиях самым актуальным является вопрос: есть ли продолжение у постмодернизма, возможно ли оно, в какой форме, что сменит постмодернистскую парадигму? Имеются сторонники радикального подхода к этой проблеме, указывающие на факты и приметы его «преодоления». Наиболее показательным его образцом явилось эссе К.А.Степаняна «Реализм как заключительная стадия постмодернизма» [10]. Основной упрек постмодернизму заключается в том, что он не выразил новую реальность в ее новых формах, он «обозначил тупик», так называемая реальность в постмодернистских книгах «демонтируется и исчезает». Очевидно, что это крайняя позиция, она была сформулирована в 1992 году, когда и в русской, и в западной литературе появляются все новые постмодернистские романы У.Эко, Дж.Барнса, П.Акройда, М.Брэдбери, Ч.Паланика, П.Хандке, Кр.Рансмайра и др.

Менее ригористические, более диалектические подходы характерны для исследователей, размышляющих о судьбах постмодернизма в аспекте его продолжения, его последующей жизни. В теоретическом плане может быть продолжена та же версия, которая была применена к переходу от модернизма к постмодернизму. Высказывание О.Пановой, во многом повторяющее Вельша, об «узах преемственности между модернизмом и постмодернизмом» и о «продолжении первого на новом уровне и видоизмененными средствами» органично прикладывается и к самой «ситуации постмодерн». В силу своего плюрализма, постмодернизм является продолжением не только модернизма, но и других направлений – романтизма, реализма. Новые же литературные явления неизбежно будут нести на себе «плюралистическую метку», что находит отражение в предлагаемых формулах, например «ультрапостмодернизм».

Итак, наметим постмодернизм в качестве исходной точки развития современной ситуации в литературе и рассмотрим те тенденции, которые можно представить как доминирующие на современном этапе. Если, вслед за О.Пановой рас-

смотреть в качестве доминанты постмодернизма «крайнее, предельное воспроизведение присутствующей модернизму уверенности в смерти Бога, Конце Истории, в утрате смысла, “закона”, способности человека уловить смысл», и принять за основу идею о том, что «объектом постмодернистской диверсии становится в 70-90-е история, которую писатели стремятся лишить достоверности и авторитетности» [11: 133], то вполне очевидно, что этот период остался преимущественно в прошедшем столетии и наиболее значительным здесь было слово, сказанное британскими писателями-постмодернистами, чьи имена хорошо известны (Д.Фаулз, П.Акройд, Дж.Барнс), а также теоретиками постмодернизма, такими как Р.Барт, М.Фуко, Ж.-Ф.Лиотар, Ф.Джеймисон, Ж.Деррида, Ф.Фукуяма и др. Описывая ситуацию рубежности, Т.Н.Бреева, со ссылкой на работы Н.Хренова [12: 38], отмечает две доминанты в этой ситуации: «во-первых, практически обязательная связь «переходных» эпох с постисторическими настроениями, выражающимися в активизации эсхатологических идей; во-вторых, выделение в качестве одного из ведущих признаков «перехода» кризиса коллективной идентичности, практически напрямую связанного с процессами национоконструирования» [13: 35]. Оба эти момента получили свое воплощение в историографическом метаромане (Л.Хатчен) или историсофском романе (Т.Бреева) постмодернизма, но последний получил неожиданное воплощение в новом типе литературы, отразившем новые реалии жизни.

Своего рода последствием постмодернизма, во многом развивающим его идеи, становится современная мультикультурная литература: «Известно, что постмодернизм выдвигает на первый план и ценностно привилегирует аномалию в противовес норме, маргиналию в противовес центру, периферию в противовес столице» [14: 120]. Действительно, эта проблема, связанная с переходностью во всех ее проявлениях, по-разному называемая в литературной теории: проблема маргинальности, транзитности, культурного номадизма¹, гибридности, внедомности (Х.Бхаба) – начинает обсуждаться еще теоретиками постмодернизма (Ж.Делёз, М.Фуко). Однако по-настоящему она разворачивается в связи с мультикультурной литературой рубежа веков. В этом смысле особенно значимой является европейская ситуация постколониализма, которая во

¹ «Новый номадизм», иными словами, заинтересован в понимании именно этой ситуации активного размывания «центра» и «периферии», «присутствия» и «отсутствия», «укорененности» и «беспочвенности» [15: 65].

многом и спровоцировала постановку ранее не рассматривавшихся проблем. Лидерами постколониальных исследований во второй половине XX века становятся Э.Саид², Х.Бхабха³, Г.Спивак⁴, которые, опираясь на труды предшественников (М.Фуко, Ж.Делеза, Х.Блума и других), подвергают критике канон западной культуры, рассматриваемый ими как одно из главных средств манипуляции общественным сознанием («культурный империализм») и создания стереотипов восприятия восточной культуры, формируют новые категории анализа культуры, такие как «внедомность», гибридная идентичность и др., акцентируют внимание на тех представителях общества («жертв» культуры), которые не имеют возможности культурной репрезентации [16].

Во многом идеологически продолжая постмодернизм (актуализируя проблемы маргинальности, памяти, утверждая значимость повседневного опыта), практически постколониальная и мультикультурная литература выходит за пределы постмодернизма главным образом за счет того, что возвращает в литературу реальность, одновременно утверждая призрачность памяти. О.Панова пишет, что порой «постколониальная проза» использует некоторые элементы постмодернистской эстетики, но направляющий вектор ее совсем иной. Главное содержание – проблема сосуществования и диалога разных культур, поиски личной, национальной, культурной идентичности, социальная и политическая ангажированность, бытописание, своеобразный этнический «костумбизм» [17: 146]. Действительно, постколониальную и мультикультурную прозу можно условно разделить на категории, к одной из которых могут быть отнесены романы, использующие постмодернистскую поэтику (здесь лидером является С.Рушди), и те, кто избегает ее использования, опираясь на упомянутый О.Пановой «костумбизм» (романы Рохинтона Мистри, например, «Дела семейные» (2002), Б.Мукерджи «Жасмин» (1989), Юн Джан «Дикие лебеди: три дочери Китая» (1991)). Общими для мультикультурных романов становятся проблема памяти (особенно для тех, которые тяготеют к постмодернистской поэтике) и проблемы, связанные со страхом потери или выстраиванием новой идентичности.

²Работы «Ориентализм» (1978), «Мир, текст и критик» (1983), «Культура и империализм» (1993).

³ Важнейшая в этом отношении работа «Местоположение культуры» (в другом переводе «Определение места культуры», 1994).

⁴ Работа «Постколониальный критик: Интервью, стратегии, диалоги» (1990).

Ситуация маргинальности становится главной и в литературе с преобладанием гендерной проблематики. До последнего времени этот тип проблематики ассоциировался прежде всего с феминистской и в более широком плане – женской литературой, включающей и произведения писателей мужчин (о «феминизме» Апдайк и Барнса см. [17: 153-154]). Данная тенденция продолжается и современными писательницами, которые все чаще для обозначения специфики женской природы используют дискурс монструозности (А.Картер «Ночи в цирке», Дж.Уинтерсон «Страсть»); в последнем романе черты монструозности (перепонки на пальцах, дающие героине возможность ходить по воде) обозначают трансгендерную природу героини (с перепонками в семье рождались только мужчины, лесбийская страсть героини). В связи с последним можно отметить, что современная ситуация в литературе позволяет говорить, что гибридность, диффузность границ коснулась и этого типа литературы. Все больше произведений современной литературы касается трансгендерных ситуаций. Как отмечает Г.Литвинцева: «Еще одна черта культуры и эстетики симулякра – это «транспозиционность», когда упраздняются оппозиции: «мужское – женское»; «прекрасное – безобразное»; «добро – зло»; «человеческое – нечеловеческое» и т.д. Классический пример трансобъекта – это Майкл Джексон – в нем стираются оппозиции: «черное – белое», «мужское – женское», «искусственное – естественное», «детское – взрослое», «красивое – уродливое» [18: 51]. Последний пример, по-видимому заимствован исследовательницей из романа М.Уэльбека «Платформа»: «Человечество в целом тяготеет к смешению кровей и, шире, к единообразию и реализует это в первую очередь посредством такой элементарной вещи, как секс. Только один человек осуществил это на практике – Майкл Джексон: он не белый и не черный, не молодой, не старый и даже в некотором смысле не мужчина и не женщина». Свидетельством того, что в современной литературе не столько женское или мужское становится предметом главного внимания, сколько ситуация «между» полами – это включение во всевозможные рейтинги и награждение Пулитцеровской премией романа Дж.Евгенидиса «Средний пол» (2002), где герой / героиня одновременно оказывается и в межкультурном и межгендерном пространстве, и определенная Х.Бхабой ситуация «внедомности» реализуется для него / нее сразу в нескольких планах.

Какие основания, аргументы находят исследователи, указывающие на смену литературных эпох, обновление пространства западного рома-

на? Находя различное словесное выражение, они связываются с «непрерывно меняющейся наличной реальностью, распадающейся референциальностью» (А.Зверев) «разломившейся, исчезающей реальностью, неустойчивостью, предельностью современного мира. На рубеже XX-XXI в.в. реальность стала иной» (О.Панова), «реальности в привычном классическом смысле уже не существует» (Г.Кучумова). Отсюда делается вывод о неизбежности и даже необходимости множественности точек зрения на одну и ту же реальность, новых писательских видений мира и исследовательских осмыслений.

Постмодернистский постулат об исчезновении реальности, полемичный по отношению к реализму, также становится предметом полемики в современной литературе. То, что превращает современную виртуальную, исчезающую, симулятивную реальность в настоящую – это смерть. Смерть является той реальностью, которая способна преодолеть виртуальность, и личный травматический опыт становится одной из основных проблем современной литературы⁵. Большинство исследователей отмечают в современной литературе «а-постмодернистский поворот к жизненному опыту»⁶, одним из симптомов которого становится появление поэтики и эстетики ранимости. Представление об источнике травмы различно. Так, О.Панова отмечает: «Не в последнюю очередь это связано с травмированностью современного человека ходом истории [14: 120]. Д.Затонский еще в 1996 году определяет современную ситуацию на западе как ситуацию травмы, связывая ее с концом великого противостояния: «Запад – может быть, в большей степени, чем мы, – был **травмирован** (выделено мной – Л.Х.) *фарсовым финалом* (курсив автора) Великого противостояния, явственно обозначившим даже не тщету затраченных усилий, а их

как бы изначальную ненужность» [21: 282]. Так или иначе, эта ситуация широко осмысливается в современной литературе, возвращающейся к миметическим формам воспроизведения действительности, которые, тем не менее, описаны в постмодернистской теории: просто рассказывание истории, которая сама по себе настолько значима, что исключает использование приемов постмодернистской эстетики.

Наиболее травматическим опытом в литературе XX-XXI веков остается опыт второй мировой войны, который со временем не утрачивает своего значения, а приобретает все новые интерпретации в литературе нового рубежа веков (Б.Шлинк, Й.Макьюэн и др.).

Тема терроризма, одна из важнейших тем, связанных с указанной проблемой, становится значимой в литературе задолго до 11 сентября 2001 года. Террор назван одним из самых ярких феноменов современности. Ж.Бодрийяр в работе «Зеркало терроризма» (*The Mirror Of Terrorism, 1990*) пишет: «Сегодняшнее насилие, насилие производимое нашей гипермодерностью, – это террор. Симулякр насилия, возникающий не столько из страстей, сколько из телевизионного экрана, – насилие, заключенное в самой природе образов. Насилие потенциально существует в пустоте экрана, в провале, которую экран открывает в нашей психической вселенной» [22]. Среди открывших эту тему в американской литературе произведений называют романы Пола Теру «Семейный арсенал» (*The Family Arsenal, 1976*), Тома Роббинса «Натюрморт с дятлом» (*Still Life with Woodpecker, 1980*), Дона Делилло «Мао II» (*Mao II, 1991*), Кена Кизи «Песня моряка» (*Sailor Song, 1992*), Пола Остера «Левиафан» (*Leviathan, 1992*), Чака Паланика «Бойцовский клуб» (*Fight Club, 1996*), Филипа Рота «Американская пастораль» (*American Pastoral, 1997*).

Главным травмирующим опытом для западной цивилизации последних десятилетий становятся события 11 сентября 2001 года. Трагедия 9/11 была отражена во множестве документальных и художественных фильмов, а также в произведениях художественной литературы, к числу которых относятся романы Ф.Бегбедера (1965) «Windows on the World» (2002), Дж.С.Фоеера (1977) («Жутко громко и запрительно близко») (*Extremely Loud and Incredibly Close, 2005*), Дона Делилло (1936) «Падающий» (*Falling Man, 2007*) и др.

Еще одна проблема, связанная с воспроизведением «новой» реальности, это отображение новых реалий потребительского общества. В литературе, особенно французской, уже с 1970-х обнаруживается тенденция к «неореализму» или

⁵ Постмодернизм представляет смерть как культурный продукт, имидж, ресурс получения удовольствия – на реальную смерть наложено табу, она заменяется игрой на тему смерти и симулякр смерти. <...>Не имея представления о смерти как естественном и вселенском феномене, человек современной эпохи приходит в восторг от показа смерти неестественной [19: 167].

⁶ Ольга Анатольевна Джумайло, ссылаясь на монографию М.Ледбеттера «Жертва и постмодернистская наррация» (1996), Я.Виннетерга «Эстетика ранимости: сентиментальное в романах Грэма Свифта» (2003) и другие, замечает, что даже постмодернистская игра часто «указывает на отчаянные попытки эскапизма рассказчика в игры со словом» и далее замечает «Подобно фотографиям в газетах слова – лишь знаки боли, несопоставимой с ужасом переживания реальности насилия» [20: 35 – 36].

даже к «неонатурализму»: «роман вновь возвращается к своей первоначальной функции – рассказыванию историй, но уже с учетом новых подходов к реальности, языку, психологии, сформированных идеями Ж.Лакана, М.Фуко, Р.Барта, Ж.Деррида. Новая художественная практика обусловлена сменой эстетических парадигм: от “чистой формы” последнего авангарда роман движется к смешению жанров; от радикального разрыва с традицией – к ее реконструкции» [23]. Общество потребления становится важнейшей темой этой новой реалистической литературы⁷, рассматривающей современный мир как мир брэндов и лейблов, определяющих не только статус, но и самоощущение современного человека.

Теория современного общества как общества потребления складывается в трудах представителей франкфуртской школы философии. Она образовалась во Франкфурте-на-Майне, ее основоположники: Макс Хоркхаймер (1895-1973), Теодор Адорно (1903-1969). Среди наиболее известных последователей Герберт Маркузе, Эрих Фромм, позже Юрген Хабермас. Ж.Бодрийяр пишет в 1970 году работу «Общество потребления. Его мифы и структуры». Он приходит к выводу, что потребление – это язык современного общества, в котором постоянно происходит социализированный обмен знаками [24: 125]. Это общество культивирует нарциссизм, основанный на культе тела⁸, для личности, создание псевдособытий для масс-медиа [24: 164], общество, в котором реклама дает человеку иллюзии заботы и дара.

Современные произведения этого типа можно условно разделить на две группы. Первая – это своего рода новый «производственный» роман, посвященный новому типу существования человека в реальности его «служения» крупным корпорациям, претендующим не только на его рабочее время, но и образ жизни, способ мышления, досуг, самую личность и пр. В этом смысле одними из самых показательных становятся произведения Д.Коупленда «Рабы Майкрософта» (1995) о принадлежности к корпорациям – отчуждение таких понятий, как жизнь и свобода, А.Нотомб «Страх и трепет» (1999).

Вторая группа – произведения, раскрывающие тоталитаристскую суть мира современной

рекламы и социального бытия в целом: М.Уэльбек «Платформа» (2001) – секс как предмет потребления, Ф.Бегбедер «99 франков» (2000) «ЛИдеаль» (2007), соответственно раскрывающие механизмы порабощения сознания миром рекламы и миром моды.

Анализ конкретного литературного материала позволяет говорить о том, что новый реалистический принцип становится одним из ярких продолжений постмодернизма. Постмодернизм, как и предшествующие литературные направления, сохраняет свое конструирующее влияние в современной литературной ситуации, однако реальность, чье отсутствие провозгласил в свое время постмодернизм, заявляет о себе новыми явлениями жизни, требующими для своего описания новых категорий мышления и новых литературных средств, которые лишь ожидают своей разработки и литературоведческого описания.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-04-00248) «Между модернизмом и постмодернизмом: смена литературных эпох на Западе».

1. Эко У. Имя Розы. СПб: Симпозиум, 2000. – 677 с.
2. Эко У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна // http://hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/muz/3_kurs/Eстетика_Leschinskaya/31.pdf (дата обращения 01.05.2014)
3. Forster N. Wiederkehr des Erzählens. Deutschesprachliche Prosa der 80-er und 90-er Jahre. – Berlin, 2001. – 173 s.
4. Кавелли Дж. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22. – С. 33 – 64.
5. Welsch W. Unsere postmoderne Moderne. – Weinheim: VCH, Acta Humaniora, 1991. – 344 S.
6. Литература XX века: итоги и перспективы изучения. – М: Экон-Информ, 2008. – 264 с.
7. Пахсарьян Н.Т. Избранные статьи о французской литературе. Днепропетровск: Арт-Пресс, 2010. – 251 с.
8. Панова О.Ю. От постмодернизма – к реализму? (заметки об англо-американской прозе 1970-1990х гг.) // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. – М: Экон-Информ, 2006. – С. 27 – 38.
9. Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман 1980-2000 гг.: курс на демифологизацию. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2009. – 152 с.
10. Степанян К. Реализм как заключительная стадия постмодернизма // Знамя. – 1992. – № 9. – С.231 – 239.
11. Панова О.Ю. От модернизма к постмодернизму и художественному синтезу // Современная Европа, 2004. – № 1. – С. 130-140.

⁷ Конечно, не только реалистической, например, в романе Дж.Барнса «История мира в 10 ½ главах» (1987) в последней главе появляется ироническое изображение рая для современного человека как супермаркета.

⁸ Тело Бодрийяр называет главным мифом этики потребления [24, с.177].

12. *Хренов Н.А.* Культура в эпоху социального хаоса. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
13. *Бреева Т.Н.* Концептуализация национального в русском историософском романе ситуации рубежности: дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2010. – 452 с.
14. *Панова О.Ю.* От модернизма к постмодернизму и художественному синтезу (статья вторая) // Современная Европа, 2004. 2. – С. 120 – 133.
15. *Ушакин С.* Люди пути: Номадизм сегодня. Введение приглашенного редактора к форуму. – Ab Imperio, 2012. – № 2. URL: <https://www.academia.edu/1876129> (дата обращения 01.05.2014)
16. *Глостанова М.В.* Постколониальные исследования // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Интрада, 2004. – С. 320 – 323.
17. *Панова О.Ю.* Пути современной прозы в Великобритании и США // Постмодернизм: что же дальше? (Художественная литература на рубеже XX-XXI вв.) – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 138 – 172.
18. *Литвинцева Г.Ю.* Гиперреальность в эпоху постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 2. – С. 43 – 54.
19. *Минькова Н.В.* Влияние принципов постмодернизма на интерпретацию образа смерти в массовой культуре // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 4. – С. 167 – 170.
20. *Джумайло О.А.* Английский исповедально-философский роман 1980-2000: Монография. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2011. – 320 с.
21. *Затонский Д.* Постмодернизм: Причины возникновения // Иностранная литература. – М., 1996. – № 2. – С. 273 – 283.
22. *Бодрийяр Ж.* Зеркало терроризма / пер. А. Дерябина. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/zerk_terr.php (дата обращения 01.05.2014)
23. *Шервашидзе В.В.* Тенденции и перспективы развития французского романа // Вопросы литературы. – 2007. – № 2. – С. 72 – 102. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/2/sh7.html> (дата обращения 01.05.2014)
24. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.

ON SHIFTS IN THE LITERARY EPOCHS IN THE WEST: THEORETICAL ASPECTS

G.A.Frolov, L.F.Habibullina

The article explores theoretical aspects of literary life in the West: the ways a modernist paradigm shifts to a postmodern one. The authors identify and formulate the patterns of this transition associated with persistently recurring trend of innovation and repetition, the movement between its two poles. When presenting their ideas, the authors analyze the latest models of the western novel, and provide a full picture of the literary experience after postmodernism.

Key words: modernism, postmodernism, nomadism, costumbrism, multiculturalism, hybridity, cultural boundaries.

1. *Eko U.* Imya Rozy. Spb: Simpozium, 2000. – 677 s. (In Russian)
2. *Eko U.* Innovatsiya i povtorenie. Mezhdru estetikoy moderna i postmoderna // http://hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/muz/3_kurs/Estetika_Leschinskaya/31.pdf (data obrashcheniya 01.05.2014) (In Russian)
3. *Forster N.* Wiederkehr des Erzalens. Deutschesprachige Prosa der 80-er und 90-er Jahre. – Berlin, 2001. – 173 s.
4. *Kavelti Dzh.* Izuchenie literaturnykh formul // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1996. – № 22. – С. 33 – 64 (In Russian)
5. *Welsch W.* Unsere postmoderne Moderne. – Weinheim: VCH, Acta Humaniora, 1991. – 344 S. (In Germany)
6. *Literatura XX veka: itogi i perspektivy izucheniya.* – М: Ekon-Inform, 2008. – 264 s. (In Russian)
7. *Pakhsar'yan N.T.* Izbrannye stat'i o frantsuzskoy literature. – Dnepropetrovsk: Art-Press, 2010. – 251 s. (In Russian)
8. *Panova O.Yu.* Ot postmodernizma – k realizmu? (zametki ob anglo-amerikanskoy proze 1970-1990kh g.g.) // Literatura KhKh veka: itogi i perspektivy izucheniya. – М: Ekon-Inform, 2006. – С. 27 – 38. (In Russian)
9. *Kuchumova G.V.* Nemetskoyazychnyy roman 1980-2000 gg.: kurs na demifologizatsiyu. – Samara: Samar. gumanit. akad., 2009. – 152 s. (In Russian)
10. *Stepanyan K.* Realizm kak zaklyuchitel'naya stadiya postmodernizma // Znaniya. – 1992. – № 9. – С. 231 – 239. (In Russian)
11. *Panova O.Yu.* Ot modernizma k postmodernizmu i khudozhestvennomu sintezu // Sovremennaya Evropa, 2004. – № 1. – С. 130-140. (In Russian)
12. *Khrenov N.A.* Kul'tura v epokhu sotsial'nogo khaosa. – М.: Editorial URSS, 2002. – 448 s. (In Russian)

13. *Breeva T.N.* Kontseptualizatsiya natsional'nogo v russkom istoriosofskom romane situatsii rubezhnosti: dis. ... dokt. filol. nauk: 10.01.01. – Ekaterinburg, 2010. – 452 s. (In Russian)
14. *Panova O.Yu.* Ot modernizma k postmodernizmu i khudozhestvennomu sintezu (stat'ya vtoraya) // *Sovremennaya Evropa*, 2004. 2. – S. 120 – 133. (In Russian)
15. *Ushakin S.* Lyudi puti: Nomadizm segodnya. Vvedenie priglasennogo redaktora k forumu. – Ab Imperio, 2012. – № 2. URL: // <https://www.academia.edu/1876129>. (data obrashcheniya 01.05.2014) (In Russian)
16. *Tlostanova M.V.* Postkolonial'nye issledovaniya // *Zapadnoe literaturovedenie XX veka: Entsiklopediya*. Moskva Intrada, 2004. – S. 320 – 323. (In Russian)
17. *Panova O.Yu.* Puti sovremennoy prozy v Velikobritanii i SShA // *Postmodernizm: chto zhe dal'she?* (Khudozhestvennaya literatura na rubezhe KhKhKhKhI vv.). – M.: INION RAN, 2006. – S. 138 – 172. (In Russian)
18. *Litvintseva G.Yu.* Giperreal'nost' v epokhu postmoderna // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* – 2011. – № 2. – S. 43 – 54. (In Russian)
19. *Min'kova N.V.* Vliyanie printsiptov postmodernizma na interpretatsiyu obraza smerti v massovoy kul'ture // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk.* – 2010. – № 4. – S. 167 – 170. (In Russian)
20. *Dzhumaylo O.A.* Angliyskiy ispovedal'no-filosofskiy roman 1980–2000: Monografiya. – Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2011. – 320 s. (In Russian)
21. *Zatonskiy D.* Postmodernizm: Prichiny vozniknoveniya // *Inostrannaya literatura.* – M., 1996. – № 2. – S. 273 – 283. (In Russian)
22. *Bodriyyar Zh.* Zerkalo terrorizma/ per. A.Deryabina. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/zerk_terr.php (data obrashcheniya 01.05.2014) (In Russian)
23. *Shervashidze V.V.* Tendentsii i perspektivy razvitiya frantsuzskogo romana // *Voprosy literatury.* – 2007. – № 2. – S. 72 – 102. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/2/sh7.html> (data obrashcheniya 01.05.2014) (data obrashcheniya 01.05.2014) (In Russian)
24. *Bodriyyar Zh.* Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury / Per. s fr., poslesl. i primech. E. A. Samarskoy. — M.: Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. (In Russian)

* * * * *

Фролов Георгий Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: olga.nesmelova@ksu.ru

Frolov Georgy Arkadyevich – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: olga.nesmelova@ksu.ru

Хабибуллина Лилия Фуатовна – доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: fuatovna@list.ru

Khabibullina Liliya Fuatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of World Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: fuatovna@list.ru

Поступила в редакцию 06.06.2014